

Olanga Jay

АМЕРИКАНСКИЕ
НОВЕЛЛЫ

© Издательство IGRULITA Press, USA

Индейцы не плачут

Моросит легкий дождик. Я стараюсь ступать бесшумно, чтобы не нарушать той звонкой тишины, что присуща лесу в начинающуюся осень.

Бурундуки, не обращая на меня никакого внимания, занимаются своим хозяйством и шмыгают прямо под ногами. Енот спит под дикой яблоней, обожравшись ее плодами. Сойки о чем-то скандалят на вершине деревьев....

Раздается выстрел... Другой... Начинается перестрелка? На охоту - не похоже... да и до охотничьего сезона еще добрый месяц....

Выстрелы слышатся со стороны моих соседей индейцев... Бросаю корзину и спешу к ним, огибая ручьем поле - чтобы зайти с тыла происшествия....

Лита Берд (маленькая птичка) и Сан Бер (солнечный медведь) - Мохог Индейцы.

Я для простоты на русском, ее прозвала Птахой...

Стрельба продолжается, но приблизившись к открытому участку перед домом, со стороны леса - никого там не нахожу... Теперь уже явно, что выстрелы идут со стороны дома. Высовываю голову из кустов...

- Рада тебе, Оланга! - слышу голос Птахи - Присоединяйся!

Она сидит перед домом в своем лучшем платье из красной ткани с вышивкой, которую делала ее прабабушка. В волосах - вплетены ярко-голубые перья сойки с разноцветными лентами. Так

Мохог Индейцы одеваются только по особому случаю. Перед ней лежит три заряженных райфела из которых она по очереди стреляет во что-то - что мне не видно из-за угла дома. Я приближаюсь, и она мне протягивает один райфел.

- Ты меня напугала... - говорю я - Думала, опять пьяные пришли обстреливать индейцев. (Такое уже случилось, по рассказам Сан Бер).

- Все верно. Только на этот раз я пью и расстреливаю его!

Мне становится не по себе, но уже осталось 2 шага до вида ее мишени... На ветках дерева окурратно развешаны изувеченные пулями джинсы Сан Бер... Еще выстрел и еще...

- Ушел! Подлая тварь... - говорит мне Птаха, не дожидаясь вопроса - На - выпей! - и она протягивает мне свою кружку.

- Ну а мне-то что пить? - смеюсь я.

- Оно верно... не от тебя ушел подонок...

- А куда ушел?

- Если б знала - думаешь по пустым джинсам стреляла бы?

Птаха жила одна много лет. Рост у нее - невеликий и хрупкая она, однако любой мужик позавидует ее силе и выносливости. Нелюдимая, она поддерживала только свою связь с племенем в соседней резервации. Я познакомилась с ней несколько лет назад на Пау-Ау, и мы быстро сблизились, поскольку любили ходить вместе в лес так далеко, как другие не ходят. Однажды, в суровый зимний вечер, друзья из резервации приволокли к ней пьяного Сан Бер:

- Женщина, вот тебе мужчина. Нехорошо жить одной, да и ему нужен уход.

- Хорошо. Пусть остается, если не будет пить

совсем.

Так Сан Бер и остался, перестав пить.

Навещая ее, я подружилась и с ним. Рост великана и душа младенца. Он любил ее, как самое драгоценное чудо в своей жизни. Она была корнями его дерева. Теплым взглядом он грел ее, двигаясь в паре на Пау-Ау, танцуя Танцы Предков, а потом ложился в траву и разглядывая образы плывущих над нами облаков - сочинял замечательные истории.

Он видел Дух жизнь везде и во всем... Из коряги - освобождал образ волка с помощью ножа, и его руками из камня появлялись черепахи...

- Когда он ушел?

- Неделю назад.

- Сказал что-нибудь?

- ХА!

Она идет в дом и приносит начатую бутылку с забродившим соком трав - который обычно, сваливает наповал, но на нее - пока не действует.

- Может тебе поплакать?

- Индейцы не плачут! - отвечает Птаха, выпив полную кружку зелья.

Я с любопытством жду, когда она потеряет сознание, а пока - беру тоже райфел, смотрю вокруг в поисках своей мишени - мне не хочется расстреливать одежду друга. Птаха следит за моим взглядом и вдруг озаряется:

- Оланга! Ты умница! Нет смысла стрелять в его старые джинсы! Сейчас...

Она бежит к сараю и вывозит оттуда мотоцикл Сан Бера.

- Вот! - кричит она торжествуя - Это - будет болезненно!

Выстрел на месте по шинам приводит ее в восторг. Она бежит ко мне и я хватаю второй райфел чтобы ей меньше досталось...

- Смотри что сейчас будет - говорит Птаха перезаряжая свою амуницию...

- Выпей еще - с надеждой что ее свалит советую я.... Но в этот момент раздается выстрел и взрыв бензинного бака...

- Да-а... - зачарованно глядя на клубень огненного столба, произносит Птаха - Это больно падонку!...

- Как же он ушел оставив мотоцикл? - с запозданием спрашиваю я.

- Не дури! - допивая бутылку отвечает Птаха - Как он мог уйти оставив МЕНЯ?

- Вот именно...

Она мягко присаживается на пень, закрывает глаза и в долю секунды теряет сознание...

Недопитое зелье растекается по красной юбке зеленым орнаментом, лицо проясняется спокойствием... Дождь уже перестал моросить и заходящее солнце освещает тихую картину военного поля...

Лес оглашается треском и во двор вваливается запыхавшийся Сан Бер. Его смуглое лицо бледнеет видя меня стоящую над расплоставшимся телом Птахи... Задыхаясь, он почти ползет к нам, сквозь дым догорающей резины своего мотоцикла...

- Она жива?

- Нет... Мертвецки пьяна...

- Что случилось???

- Это ты мне расскажешь. А Птаха решила что ты ее бросил - вот и разволновалась... - говорю я жестом показывая на окружение.

Он с любопытством оглядывается... Заглядывает в

коробку с патронами... Смотрит сколько осталось
зелья... И озаряясь блаженной улыбкой
произносит:

- Значит все еще любит... Сварливой она стала,
последнее время... Вот я и сходил в лес
развеемся.

И вот иду по темному лесу домой и думаю...
Индейцы - не плачут...и у них нет вещизма, как у
белых... И мне становится очень весело -
представляя себе что бы белая женщина могла
бы устроить - если бы тоже не плакала... и в то
же время - грустно... какое ж незримое пепелище
остается у нее внутри?

Старый ковбой и его бык

Полл вырос на ферме и с трех лет был ковбоем, однако, с ростом цивилизации, появились корпоративные фермы, и они разорили всех вокруг, кто вел натуральное хозяйство. Так что ферма родителей Полла ушла с молотка какому-то строителю для построек жилых комплексов домов. С чувством бессилия Полл уехал в другое место. Сначала в город и стал инженером, а потом обзавелся семьей и стал проповедником в небольшом провинциальном поселке.

Он был хорошим проповедником. Он знал что в его приходе фермеры тоже разоряются, и прошлое чувство бессилия преобразилось у Полла в слова поддержки своим прихожанам. Он страдал и давал надежду, что, если быть праведными и поддерживать друг друга, то все с Божьей помощью можно преодолеть. И, действительно, в его приходе люди жили, как одна крепкая семья – никто не чувствовал себя беспомощным в трудную минуту, потому что всегда другие помогали сообща.

В то время Полл жил в арендованной квартире с женой и тремя сыновьями, на гроши проповедника. Но ковбой – всегда ковбой. Его городская жена чувствовала себя комфортабельно в квартире, а Полл – все свободное время проводил на соседских фермах, бескорыстно помогая по хозяйству прихожанам и не брезгуя никакой работой.

Однажды, один старый фермер оставил Поллу в наследство все свое хозяйство, а весь приход скинулся, чтобы он смог оплатить налог за полученную ферму, и Пол к своему шестидесятилетию снова сам стал фермером ковбоем.

Счастью не было предела, но оно временно, снова омрачилось чувством бессилия: бык, которого Полл пытался укротить, сломал Поллу спину, да еще в нескольких местах. Врачи залатали его позвоночник металлическими скобами, отчего стало невозможно не только сгибать спину и шею, но даже и поворачивать голову в стороны, но он был счастлив, что жив, и снова вернулся на свою ферму. Жена умоляла его оставить фермерство и на старость лет жить, как все “нормальные” люди, в городсаких условиях, но Полл, обаятельно улыбаясь, отвечал:
- Если Бог подарил мне эту ферму и оставил меня жить, то только здесь.

Однако, с огромной фермой справиться одному было тяжело. Хорошо, что сыновья построили себе дома на других ее границах, и так можно было их позвать в экстренных случаях. Да и Майк с Браеном - безземельные фермеры - попросили у него место для своих парников и индюшек. Пол сдал им землю в обмен на помощь по хозяйству. Таким образом у Полла осталось стадо коров с быком, хлев и все старые сельскохозяйственные машины, а остальным управляли сыновья и Майк с Браеном.

Я познакомилась с Поллом, когда ему было уже 70 лет. Это был тяжелый год для нас всех, из-за засухи. Нечем было кормить коров, и сено было на вес золота, да и то дефицитом, потому что его раскупали для лошадей.

Наш поставщик сена дал телефон Полла, сказав, что тот не откажет помочь в беде... Так и познакомились.

Полл взял наших коров на свое пастбище в долину, а потом на пастбища своих соседей и друзей... Так мы пережили очень тяжелое время до того, как сено стали привозить из Канады, и кризис миновал.

Тогда у него было небольшое стадо коров и бык. Сейчас мало кто держит быков, потому что хорошо развито искусственное осеменение. Семя в колбе стоит всего-то шесть долларов, и любой ковбой знает, когда его вводить корове. Поэтому я сильно удивилась вопросу Полла:

- Вам нужен только выпас коров или вы хотите чтобы их еще и бык обслужил?

- Ну, если у тебя еще и бык есть, то тогда, конечно, мы хотим и его сервис!

- Да, бык есть... Только я его держу отдельно от стада. Не обещаю его сервиса, но посмотрим, что получится.

- А в чем проблема?

- Он дикий. А дикие быки, если их подпустить к коровам, становятся очень ревнивыми, и потом без боя у них не отобрать самок – смется он. Так бык и сломал мне спину.

- Раз так, то зачем ты его держишь?!

- Это сложный вопрос. Наверное, потому, что верю в натуральное хозяйство и в то, что я его еще могу вести. Да и потом, каким же я буду мужчиной, если убью быка, победившего меня однажды в поединке? Старый он уже, такой же как и я, но жизнь в нас теплился. Что было – то было. Пережили. А ты не волнуйся. Я спросил к тому, чтобы знать, разделять ли твоих коров от моих, когда я их поведу к быку. А когда поведу, то количество уже не имеет значения.

Прошло время, и мы подружились с Поллом. С моим мужем у них возникла мужская взаимовыручка. А наедине, у меня с ним были свои разговоры.

- Ты знаешь, некоторые люди, думают, что достаточно быть просто хорошим человеком и верить в Бога. И так они живут поодиночке и оказываются в беспомощности. Одни говорят, что не хотят примыкать к “организованной религии”! Другие, говорят, что место Бога - в Душе, и церковь не обязательна! А что они могут по одиночке? Только медленно умирать в одиночестве, считая себя хорошими людьми, верующими в Бога или, как сейчас модно выражаться, “в Высший Разум”.

- А любая церковь имеет смысл как объединение хороших людей с общими взглядами, в помощь друг другу. Вот задача церкви! А не навязывание религии.

В тот раз бык обслужил наших девочек, и все остались довольными. Только мой муж вернулся мрачным после того мероприятия и коротко сказал:

- Боюсь, что этот бык когданибудь убьет Полла.

- Я уверена, что такой ковбой, как Полл, знает, что делает – возразила я.

- Не знаю, зачем это ему нужно – так рисковать собой! Ты бы видела этого монстра, а у Полла спина не сгибается, и случись что - он даже оглянуться не может!

Поэтому, когда на следующий год Полл предложил взять наше стадо к себе на пастбище, и заодно на обслугу быком, мы отказались. Мне муж сказал:

- Я не хочу ставить Полла в такое положение, что раз он обещал, то должен сделать. Это слишком опасно. Со своим стадом пусть делает что хочет, но я надеюсь, что он избавится от этого быка. По крайней мере, все его так уговаривают. Может, послушается...

Я согласилась, а когда Полл пришел ко мне повторить свое предложение, ему сказала:

- Нет, Полл. Мы держим коров из удовольствия. Ты же знаешь, как прекрасно чувствовать их рядом – слышать их голоса, видеть из окон, а когда выходишь, обнимать.. баловать... Одно дело что ты помог нам в трудное время, когда нехватало пастбища, за что мы тебе несказанно

благодарны. Другое дело, что это будет хорошее лето, и мы хотим иметь коров поближе к себе.

- Отдохнули бы..

- А ты?

- Ваши коровы ласковые, ручные, с ними нет проблем.

- Я скучала о них все то лето, когда они были у тебя, но тогда не было выбора. Ты же сам держишь своих коров для удовольствия и понимаешь меня.

- Да! Но коровам в большем стаде веселее.

- А мне грустно без них.

- Тогда хочешь, возьми у меня одну телочку! Она тебе очень понравится. Ей нужна женщина, как ты.

- А потом что? Я была бы рада еще одной телочке, но мой муж мне больше не разрешает увеличивать поголовье. А своих я сокращать не могу, они слишком прирученные и дороги мне. Так что, не травми мою Душу.

- Ладно. Просто у меня есть, ну такая хорошая телочка, и прямо для тебя...

Стадо увеличивалось каждый год, а Полл старел. Коров он не продавал, не убивал на мясо, не имел от них совершенно никакой экономической

выгоды. Наоборот, он тратил всю свою скудную пенсию на их содержание. Телята рождались, пили все материнское молоко и оставались при Полле, требуя лишних сил и денег на содержание. Бычков, он слава Богу продавал, что едва покрывало налоги на ферму, хотя мог избавиться от того монстра быка, хоть бы заменив его на выращенного, более ручного.

С ростом стада в хлеве нехватало места на сеновале, и приходилось часто ездить за ним на антикварном грузовике, доставшемся Поллу тоже в наследство. Грузовик “дышал на ладан”, и Поллу между закупками сена приходилось его чинить самому, в любую погоду и ездить на свалки за запасными деталями....

Но Полл любил свою жизнь, а его любили все, и люди помогали.

Как-то он мне сказал:

- Коровы такие чистые и прекрасные создания, недаром, в Индии их обожествляют. Жить в окружении коров – это чувство благославения. И это ужасно, что с ними делает человеество – ты когда нибудь слышала рев матери-коровы, когда у нее отнимают новорожденного ради молока, что она отдает ему? А когда мясник заходит в стадо и перерезает горло одному из животных, чьей-то дочке или сыну, оставляя на земле истекать кровью в медленной смерти – как коровы толпятся вокруг в сострадании... А потом у них на глазах, снимают шкуру с близкого им существа и потрошат, разрезают на куски... Или когда домашнюю корову отдают на аукцион и потом на мясокомбинат - где после электрошока, с нее еще живой сдирают шкуру и заживо

потрошат на глазах тех, кто стоит в очереди следующим...

- Да. Именно поэтому я себе как-то сказала, что мои коровы – такого никогда не узнают. За ту благодать, которую они создают вокруг себя, не жаль и те силы, которые требуют их содержание.

Полл думал так же. Мне кажется, мы во всем понимали друг друга без лишних слов. Иначе зачем он пытался выменять у меня моих уже престарелых коров на молоденьких телочек? Зачем тогда он с трудом доил одну из своих коров и привозил мне молоко в угощение и с разговорами, что она потеряла ребенка, и, если я ее возьму, то смогла бы облегчить ее страдания лаской, а он за это возьмет мою самую старую корову, раз муж не позволяет увеличивать поголовье.. Полл заботился обо мне или корове? Конечно же о корове!
И я ему отказывала:

- Полл, моей Мэри уже 24года. Я не могу дать ей умереть на чужбине. Это ее дом, и пусть умрет здесь.

И он довольный за Мэри смеялся :

- Да уж Мэри обожает тебя – береги ее!

В ту осень Поллу стало труднее ходить, и по ферме он передвигался только верхом, однако в седле он смотрелся совсем молодым, и прямая нестигающаяся спина делала его осанку королевской, а седина только шла к его голубым, как горное небо, глазам. Как-то заглянув ко мне, он спросил:

- Точно не передумала, насчет того чтобы послать своих коров на мои пастбища? А то смотри, я скоро поведу своих к быку!

- Нет, Полл. Не передумала. Да и боюсь за тебя с этим быком.

- Да, мне все говорят, что он когда-нибудь меня убьет... Я это и сам знаю...

- Все мы когда-нибудь и от чего-нибудь умрем. От быка - это хорошая смерть, быстро и наверняка. Только рано тебе еще. Избавься от него...

- Да, они это делают быстро и наверняка. Не мучают, как доктора в госпиталях. А когда - это жизнь решает: Сдашь, потеряешь контроль - и мгновенно бык тебя уберет, чтобы не мучался в беспомощной старости. Ковбои не стареют - я испытал беспощность раньше и больше не хочу. Но ты не волнуйся. Я уже решил его отдать, чтобы жена так не тревожилась, каждый раз, когда я выхожу за порог. Да и моим помощникам ни к чему рисковать. Они молодые - не те какими мы были... да и сейчас им до нас далеко... Я еще на коне! - обаятельно улыбнулся он мне.

В выходные была не плохая погода, после недели дождей. Земля была слякотной, но трава была сочной, и на полевых цветах играла роса, отражая солнце в миллиардах капелек. Стадо мирно паслось на пастбище, когда Полл решил подправить ограду, сойдя из седла. Коровы, увидев своего кормильца, направились к нему. В

это время Полл менял столб, к которому крепилась сетка ограды, и, увидев временную брешь, коровы решили пройти через нее к яблоне через дорогу, которая их давно манила, тогда как на дороге показался автомобиль. Бык рванулся вперед, приняв автомобиль за соперника. Полл, почувствовав, что ситуация выходит из-под контроля, встал на дороге быка, и тот одним взмахом головы отшвырнул Полла со своего пути. Машина дала задний ход и перекрыла дорогу остальным. Бык тут же успокоился, теперь ничего не мешало его семье пойти к яблоне. Раздался вопль жены Полла, которая все видела из окна. Майк и Браен одновременно выскочили из парника. Увидев недвижимого Полла, с которым рядом все еще стоял бык, Майк стал стрелять в воздух, а Браен бросился к Поллу. Коровы с телятами, испугавшись выстрелов, побежали назад, через пастбище в хлев. Бык остался стоять на месте, прикрывая их тыл и угрожающе наклонил голову, давая понять, что без боя не сдаст позиций.

Браен не знал, жив ли Полл. Он хотел оттащить тело подальше от быка. А для этого нужно было подойти к быку очень близко. Бык не понимал, что нужно этому человеку, и на всякий случай решительно пошел к нему навстречу, наступив на тело Полла. Браен тут же отскочил назад, подскользнулся на влажной земле и упал на спину. Бык стал угрожающе бить копытами передних ног по телу Полла, видать, не соображая, что это не голая земля... Браен в бессильной ярости стал хватать придорожные камни и бросать в быка. Кое что попало быку в голову, и он, бросившись на Браена, подцепил на

рога и откинул его далеко в сторону.

Майк и другие сбежавшиеся соседи стояли, не шевелясь. Все были вооружены, но никто не знал, куда нужно стрелять в быка, чтобы его убить сразу наповал, но все знали, что нет ничего страшнее разъяренного раненого быка. Поэтому все замерли. Раздалась оглушительная сирена полицейской машины, идущей прямо на быка, тот отступил и с достоинством пошел в хлев к семье.

Полл был мертв. Его тело было все в крови и сплющено. Браен был жив. Чудом увернувшись от рогов быка, он только получил сильные ушибы при падении от броска бычьей головы. Народ стоял растерянный – что теперь делать? Полиция, составив протокол происшествия о том, что бык взбесился и напал на своего хозяина и Браена, увезла в морг тело Полла, сказав, что бык не их дело.

Весть о случившемся, по мобильной связи, разнеслась мгновенно по всей долине и ближайшим горам. Вооруженный до зубов народ съезжался. Кто-то снаружи запер хлев со стадом, откуда коровы жалобно молили Полла о еде – уже темнело, и было время их ужина... Женщины с едой, у кого что было дома приготовленного, молча, сразу шли в дом, проявить соболезнование вдове Полла и заполнить ее холодильник на случай, если кто зайдет голодный. А мужчины решительно шли на пасбище – обсудить планы дальнейших действий. Разошлись поздно.

На рассвете более сотни вооруженных всадников

окружили хлев Полла. Коровы с телятами, чувствуя неладное, молчали, прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. Двое спешили и открыли двери хлева в обе стороны. Там было темно, и только на пороге гордо стоял бык. Он посмотрел на солнце и на всадников. Он знал, что те здесь не с добром, а за ним его жены и дети, которых его долг защищать. Нужно было всадников отвлечь от стада.

Ударив копытом по грунту и выставив рога, бык медленно пошел на поединок, вглядываясь из подо лба, кто выйдет к нему первым. Станным было то, что всадники впереди него отступали, тогда как сзади кольцо сомкнулось. Бык понял, что он в кольце – значит он выигрывает, и его семья в безопасности. Он еще продвинулся вперед, и еще.. Ровное кольцо всадников тоже подвинулось, но никто не выходил на поединок. Кто же у того стада лидер? Бык гордо поднял голову и издал вызывающий клич, и одновременно, по команде, все всадники стали стрелять. Они выпускали в него все свои обоймы, со всех сторон, кровь из быка хлестала, но он стоял, а потом шумно выдохнув, упал.

Воцарилась мертвая тишина, и сквозь нее завывали вдовы – Полла и его быка.

Роз-Мари

Филис – 85 лет. Она моя близкая подруга. Родом Филис из горной деревни, где я сейчас живу, но вот уже как лет 30 назад переехала в долину и живет там на ферме с двумя сыновьями, которые незаменимые помощники на моей ферме. Мы созваниваемся часто по телефону и ведём долгие, женские, душевные разговоры. Я решила их записывать, ибо хочу сохранить в памяти все о Филис и о Старой Америке – мире, в котором она выросла.

В один знойно-жаркий, летний день, сидя в тенистых террасах своего дома попивая холодный, старомодный лимонад, мы обменивались старинными рецептами его приготовления. По-женски, не очень заботясь о логике нашего разговора...

- А вот это, очень старый рецепт, от моей дрожайшей подруги Роз-Мари... Ее уже, конечно, нет... Дай вспомню... Мы пили этот лимонад на всех церковных встречах – он был для нас всегда чем-то особенным! Только, дай, Бог вспомнить... Знаешь, детка, в моем возрасте, память уже не подчиняется мне... Иногда подробно помню все в самые неподходящие моменты, а когда нужно – иногда, просто никак не вспомнить...

- Ничего, Филис, когда вспомнишь, – позвони мне в любое время... А ты знаешь, как подруге, тебе скажу – у меня, всегда были проблемы с христианством...

- О-о?

- Да... Ты знаешь, я выросла в религиозной, католической семье. У нас было много книг по средневековому искусству, и мой папа имел несколько старинных Библий со множеством иллюстраций... Я с детства, больше любила рассматривать те книги, чем свои детские... И от изображения распятого Христа – мне было всегда очень больно... Я никак, с раннего детства, не могла понять, почему люди говорят, что любят Христа, но вот так долго его не могут снять с распятия?! Как так – люди могут Ему молиться и просить о чем-то, в то время, когда Он висит перед ними в муках, распятый?! Как они могут идти спокойно спать или есть, – оставляя Его все еще висеть на кресте? Хуже того, когда я, маленькая, снимала Христа со всех распятий, то меня били!... Так где же ваше христианское Милосердие??? Я так же не могу понять в христианстве – Культ Мученичества... Ведь Христос был, по меньшей мере, просто хорошим и Мудрым человеком, который нес Учение людям... Ну, пострадал он от тех же темных людей... они его били страшно, а потом распяли, заставив дооолго мучаться... И это центральный эпизод Жизни Учителя???? На столько, чтобы сделать Символом религии??? А где Сила Духа?...

- Ты, детка... навела меня на интересную тему подумать... Я-то протестантка, и никогда с детства не понимала, почему нас, еще детей, родители-католики наших школьных друзей, на порог дома не пускали..? Так же и наши родители-протестанты не пускали на порог дома католиков и их детей... А мы мирно играли вместе только во дворе... Я как-то спросила об

этом свою маму, и она мне сказала, что это люди, которые распяли Христа... а я тогда была ребенком и не могла поверить, что родители моих друзей такое могли сделать... Вот видишь, как наша с тобой дружба, объединяет куски из прошлого, для осмысления...?... Наверное, моя мама думала так же, как и ты...

- Да... интересно... А ты знаешь, Филис, вот что я сейчас осознала: Я ведь из католической семьи и выросла в православной России... От этого «христианами» называла всю жизнь католиков и православных, а о протестантах – просто долго не знала! Ты ведь права – протестанты не признают символа распятого в мучениях Христа!!! А я уже и от протестантов шарахалась, мол, раз христиане... Главное – уже не анализируя разницы!!! Вот как важны детско-юношеские выводы! Один раз и навсегда!...

- Ты знаешь, дитя мое, с возрастом, Жизнь становится намного интересней! Я всегда предпочитаю иметь юных друзей, как ты – ровесников своих сыновей, потому что, когда я их растила, то Мир был понятен без глубоких собственных вопросов... А сейчас ... ты мне напоминаешь мои собственные и подсознательные вопросы, от которых раньше отмахивалась, а теперь – есть время обдумать заново... О-О! Возраст – это замечательное Время! Это когда уже некуда спешить и Жизнь только начинает приобретать Смысл! Я так рада нашей дружбе...

- Филис! Я тоже!

- Тогда, давай тебе расскажу о Роз-Мари...

Может, вспомню потом рецепт её лимонада... ..
Дело было в начале пятидесятых я была
беременна... не помню кем, Нилом или Джоном,
ибо они погодки...

Работала я тогда в инвалидном доме... И курила
много... С Роз-Мари мы познакомились так:

Она была полностью парализованной, и другая
медсестра вывезла её на террасу подышать
свежим воздухом, где я беременная курила... Мы
остались вдвоем ... Роз-Мари – была
американской итальянкой и католичкой... Она
впилась в меня своими горячими глазами и
говорит:

- В твоём положении – курить нельзя! Брось!
Я отвечаю:

- Знаю... но я слабовольная... Уже давно курю и
знаю, что не бросить...

Ее глаза вспыхнули и загорелись:

- Дай мне сказать тебе, детка, что Я – с этого
момента в твоей Жизни, стану ТВОЕЙ Волей! И
ты больше не возмешь в рот НИ ОДНОЙ
сигареты!

Я докурила и ушла с террасы... Но, знаешь,
Оланга, я с тех пор не прикоснулась ни к одной
сигарете!!! При том, что в моей жизни было
много множеств стрессов – просто к курению
вообще перестало тянуть!... Мда... Вот такой
была парализованная Роз-Мари...

Потом мы с ней подружились... Помимо того, что

она была полностью парализованной и могла только говорить, так мне по долгу службы нужно было ещё полностью заботиться о ней... Она была ОЧЕНЬ религиозной католичкой, а я – протестанткой...

Ее духовные нужды в молебне были сильнее всех физических нужд, и тогда она звала меня... Я, протестантка, должна была приходить на ее католические молебны, и, складывая ее руки вместе, так держать до конца... Естественно, мы стали так молиться вместе, держа молитвенные руки вместе... Это сблизило нас... Как-то она спросила:

- Что делаешь в выходные? – ибо у меня было разное рабочее расписание и тогда выходные совпали с субботой и воскресеньем.

- Утром пойду в церковь, а потом - стирка, уборка за неделю...

- Возьми меня с собой в Церковь!...

Оланга, мы тогда обе понимали, что такую парализованную «взять в церковь» с собой – имело исключительное, Духовное значение... Я согласилась... Роз-Мари мне сказала, как именно хочет представиться в нашей маленькой, деревенской, церкви и я запомнила это... Утром, я пришла в церковь и храбро заявила, что хочу представить нового члена молебна... «храбро» - потому что это крайне необычно было... но я чувствовала Ее Дух с собой!... Я вышла к алтарю и поставила рядом пустое кресло... сказав, что в нем сидит Роз-Мари... и дальше не помню... Я – говорила за нее, и она была с нами! ... После этой речи, все протестанты нашей церкви ее приняли!

Пастор вышел и сказал, что нет разницы между верующими в Бога! Позже – так было постоянно, когда в церкви обсуждались проблемы, то я всегда имела ее пустое кресло с невидимым Духом рядом и она высказывалась через меня... часто противоположно моему мнению... Кстати, ее лимонад для прихожан, делала я, и его все пили как самый целебный нектар...

Потом Роз-Мари умерла. Она была выдающейся Женщиной... Ее любили все! Она не была просто «инвалидом в инвалидном доме», а стала Целителем... Ее подвозили на коляске к другим больным, и она или разговаривала с ними или просила положить ее руки на них и мистические вещи случась от ее молитв...

Короче, когда она умерла, мы заказали специальную табличку с ее именем и высказываниями, чтобы повесить на двери ее палаты.... По дизайну таблички, там должны были быть руки, сложенные в молебне, но поскольку она была парализованной, то Инвалидный Дом заказал четыре руки, одни – поддерживающие другие... Все так и было!..... Потом мастер, делающий табличку на ее дверь, связался со мной и сказал, что, чтобы четыре руки надежно держались вместе – он должен их (пусть незаметно) скрепить гвоздями... и не против ли я такого?... Я ему сказала, что конечно нет... Конечно, не против скрепить наши руки, в любом виде и в чем угодно.... Вот так мы разрешили свои религиозные разницы...

Ратин садик

Мы жили в Бостоне. Тогда купили дом в центре города, где за нами была скала, и поэтому это место было непригодно для застроек. Оно сохранило дикую первозданную природу, в то время, когда дома со стороны улицы, действительно, практически стояли один на другом.

На скале росли огромные клены, в дуплах которых обитали еноты, опоссумы, белки и множество разных птиц... Кухонные окна и дверь выходили прямо к подножию этой скалы. Я постепенно надстраивала к ней каменные кармашки с почвой, и получился уютный садик с цветами и кулинарными травами... А между скалой и кухней я сразу посадила виноградник, и через пару лет он разросся в густую зеленую летнюю столовую, с потолка которой свисали тяжелые грозди ягод...

Внешний, суетной, городской мир переставал существовать когда ты переступал порог моего дома с улицы и, зайдя на кухню - выходил в мой сад. В нестерпимо душный, жаркий летний день стоило только полить мой садик из шланга, как там мгновенно менялся климат... Сухие городские шумы уходили на далекий план... Травы и цветы начинали благоухать на теплых и влажных камнях... их свежесть проникала на кухню через открытые окна и дверь... смешиваясь с запахами готовящегося обеда на плите... потом обед, уже в тарелках, выносился и поглощался за обеденным столом под

виноградником и, наконец, стол снова лениво мылся струей воды из шланга... еще раз охлаждалась зелень сада на раскаленных за день камнях... и наступал полнейший покой... Можно было сидеть в шезлонге, наслаждаясь испарениями земли и безмятежно осмысливать прошедший день, наблюдая, как зажигаются первые звезды....

В тот вечер, зайдя на кухню за парой кусочков льда для моего лимонада, я вдруг услышала что кто-то прыгает в нашем помойном пустом баке, который стоял под кухонным окном.... Какой-то зверь явно пытался выпрыгнуть, но не мог... Отставив лимонад, я подошла к баку и открыла крышку... заглядываю внутрь и встречаюсь с испуганным взглядом молодой крысы... Мы обе замерли... Потом я осторожно прикрыла крышкой бак, как и было ... призадумалась:

Мы живем в центре города, и недавно читала статью в газете о том, что крысы в городской канализации расплодились так, что стали проблемой ... всех граждан просили следить за герметичностью помоек, чтобы не привлекать крыс... соблюдать гигиену... Дело понятное.... Однако, я сейчас имею крысу в пустом и чистом помойном баке... Естественно, что если мы не будем кормить диких животных, то они пойдут по соседским помойкам! А что если я ее буду кормить?

Возник позыв посоветоваться с мужем.... Однако, тут же представила его реакцию... мол, крысы это зараза... мол выбирай крыс или меня... пропеллер пальцами у виска... а ЧТО я

буду делать с крысой в баке? С другой стороны - слышно, что крыса в баке стала прыгать быстрее - она явно поняла, что сейчас решается ее судьба, и никому не доверяет, пытаясь быстрее выскочить из ситуации. Я решила, что продуктивнее договориться с самой крысой... в случае неудачи - это будет наш с ней секрет...

Напряженно думаю дальше... какая разница между крысами и птицами, которых я кормлю в саду? В доме полно семечек... Достāju охалку семечек и иду к крысе с мировой... Открываю крышку бака, чтобы она видела меня... мееедедно наклоняю бак, показывая ей семечки... кладу бак на землю, кладу семечки и сама мягко, но быстро отхожу в свой шезлонг...

Я, еще не успев сесть, уже знаю, что крыса выскочила из бака, и ее след простыл... Ну что ж... Это наш секрет, и можно расслабиться, не считая себя убийцей.. вечер так хорош... есть такое время суток, когда день, угомонясь, стихает... а ночь - еще осторожно прислушивается, все ли угомонились... в такое время слышно улиток в саду... я тоже сижу тихо, не нарушая этой тишины...

Рядом с моими сброшенными тапочками раздается еле слышный, какой-то теплокровный звук... Смотрю - крыса! Она отважно сидит почти на моей обуви, всем видом выражая благодарность, при том я понимаю, что она пересиливает страх близости моего запаха... Я даю ей понять, что вижу ее, но меня это никак не волнует... отвожу взгляд... плавным движением поправляю платье и свои волосы, чтобы показать, что не притаиваюсь... снова

спокойно сижу, иногда поглядывая на нее... Она тоже расслабляется, и какое-то время мы просто наслаждаемся вечером вместе. Потом, я медленно и лениво встаю, иду на кухню, беру еще горсть семечек, возвращаюсь... крысы уже нет на прежнем месте, но я спокойно заменяю свои тапочки на том месте, где она сидела, семечками...

Так мы подружались. Каждый раз, когда я выходила в сад одна, моя подружка Ратя выходила посидеть со мной рядом. Я стала выносить ей всякие лакомства - семечки, покрупнее, чем для птиц, соевые бобы, горох... разные крупы... орешки, печенье, оладьи, фрукты... Ратя не сразу набрасывалась на еду, а сначала сидела со мной, показывая, что она ценит компанию превыше всего... Иногда скромно перекусывала у меня на глазах и потом аккуратно куда-то перетаскивала все мои дары... Она никогда ничего не оставляла из моих подарков. Забирала все подчистую. А мне было приятно знать, что где-то у моей Рати образовывается продуктовый склад на зиму.

А в газетах все писали и писали о том что город наводняется крысами, и их стали травить... Я стала очень волноваться о моей Рате... Но она как-то знала, когда я выйду в сад... Всегда бежала мне навстречу... И я решила ей показать, что лучше бы ей переселиться в мой дом.

Я шла к ней навстречу, глядя прямо в глаза, пару шагов... а потом поворачивалась спиной, оглядываясь, предлагая пойти со мной в дом... Потом опять и опять... Ратя задумчиво смотрела

на меня... И потом, вдруг, стала точно также приглашать меня пойти с ней на скалу...Увидев, что я поняла и следую за ней, она бросилась показывать мне где живет!

Домик Рати оказался очень живописным, под корнями векового клена, прямо у подножья скалы, в клумбе цветов.

Она залезла внутрь и вылезала, всячески показывая мне свое гостеприимство... Мне очень хотелось посмотреть, как Ратя там живет, но взлезть в ее норку я не могла, так что присела рядом и стала хвалить.... Тревога отошла от сердца - ну зачем Рате ходить в город ? У нее вдоволь еды и такой замечательный домик... Теперь я поняла, что с порога ее дома, виден порог моего дома, поэтому она в любую погоду может ждать меня в уюте и выскакивает ко мне, когда я выхожу. И все же... А вдруг мою Ратю соблазнит какой-то уличный крыс и пригласит на романтический обед в отравленную помойку ресторана? Я стала звать Ратю к себе... Она проводила меня до дверей, но не решилась зайти... Пришлось мне одной зайти домой и вынести ей печенье с огромным яблоком и помочь ей донести это до порога ее норки.

Так мы дружно жили до весны. Зимой совсем не было снега, и мы встречались с Ратей каждый день. Она заметно подросла, округлилась и шерстка лоснилась, как у здорового ухоженного зверя. Она стала от моих уговоров заходить ко мне в дом в гости, но там ничего не ела и через пару часов начинала проситься к себя домой... Я ее отпускала и помогала донести продарки к порогу норки.. Но вот однажды, в один из первых солнечных весенних дней - выйдя из

дома, я не увидела свою Ратю...

Я себя уговаривала, что это совершенно нормально и естественно, когда дикому, молодому зверьку в расцвете сил, весной пора обзаводиться семейством.. И все же молилась: - О Боже! Пожалуйста, пошли какого-нибудь крысиного Ангела Хранителя, уберегать эту маленькую крыску Ратю от опасностей! Ведь она не причиняет никому никакого вреда! Я возьму над ней полную опеку! Пусть она влюбится в какого-то крыса Альфонса! Ведь она выглядит богатой, из благополучной семьи, без тревог о "завтра"... Пусть она упадет на какого-то крыса нищего интеллектуала... из богемы - тоже не плохо... нищий изобретатель тоже подойдет! ... Главное, чтобы она фыркнула и отказалась есть с ним в где-либо в городе! .. Пусть приведет его к себе домой.... О, Боже! Ведь это Тебе совсем не сложно, и я совсем немного прошу!... Я с радостью прокормлю все их семейство, только не дай ей попасть под опеку уличного мачо, за которым охотятся городские власти с ядами!..

Дни шли, а Ратя не появлялась.

В Бостоне практически нет весны... холод, холод, потом сразу начинается жара... Зелень из земли появляется на глазах... Многие кусты и деревья мгновенно начинают цвести еще до появления листьев... Я люблю свой сад и обхожу его много раз в день, подмечая перемены... заодно постоянно ища глазами Ратю... но ее нет... Наконец куплена рассада.. Божественный день... Утреннее кофе в саду под виноградником... Приятные размышления о том, что куда сажать первым делом... Естественно, что меня сразу

тянет к клумбе у Ратиной норки... Что я ей посажу?

Надеюсь, что ей понравится у входа иметь джунгли экзотических лилий... К тому же говорят, что их корни сладкие и являются деликатесом, а цветы с нектаром - настоящее лакомство... А вот для нее альпийская земляника, которая красиво и вкусно перемешается с ... На клумбе, перед входом в норку, лежит мертвая Ратя... Она вся опухшая... Видно, что с трудом полза домой и не дополза... почти облысевшая... бесконечно беспомощная... Я сажусь рядом... как в старые времена... Осматриваю внимательно трупик... зачем-то... Ни ссадин... ни царапин... распухший язык и губы... пересохшая слизистая глаз... дело яда. Она в муках пыталась добраться домой, в надежде что умрет или выздоровет в своей любимой норке...

Что делать? Не оставлять же ее так? Похоронить ее прямо здесь, на клумбе у входа в норку?... Так много корней от клена... И вдруг, замечаю, что вся клумба уже посажена! Моя большая клумба уже разбита на мелкий Ратин огород с грядками!

Вот здесь она посадила, мною данные мелкие семечки подсолнуха... а здесь - покрупнее... Вот здесь посажена соя... а здесь горох... пшеница... Все, что я давала Рате, она аккуратно закапывала! Она разбирала все семена по сортам и закапывала их также отдельно по сортам, так что получились мини-грядки...

Я решила не трогать Ратин садик. Хоронить ее в другом месте тоже не хотелось... Поэтому я просто запихнула ее трупик в норку. Однако, моя

рука в перчатке с раздутой Рятей далеко не прошла по узкому извилистому коридору, поэтому получилось так, что Ратя застряла так, что ее мордочку было видно снаружи.. как-будто она сидит дома и смотрит в мой сад... Скоро и этого стало не видно, ибо Ратин сад рос на глазах... потом цвел... Я не прикасалась к плодам ее сада, а сидя в шезлонге, наблюдала, как рады им птицы и опоссумы с енотами, жившие этажом выше этого же клена... И с грустной благодарностью думала: Все, что я смогла сделать для Рати - дикой крысы, и дать ей, она вернула мне многократно! От любви и радости общения до размножения семян, которые привлекли ко мне новых друзей даже после ее смерти, давая мне радость... Какой замечательный Урок жизни!

Над печатной книгой работали:

Главный редактор Vicco Tamaris

Дизайн обложки Olanga Jay

Артдиректор Mary Benson

Верстальщик Jason Campbell

© IGRULITA Press

11 Central Shaft Rd, Florida, MA. 01247 USA

ISBN 978-1-936916-11-5 Тираж 50 000